

МЕТАТЕОРИИ В УПРАВЛЕНИИ: ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ФИЛОСОФСКИХ РАЗДУМИЙ

Владимир Глаголев*

В статье рассматриваются базовые категории управленческого процесса как системы деятельности, исходящей из устойчивых фундаментальных предпосылок общественной жизни. Освещается многоуровневость ресурсов и возможность управляющих воздействий на большие группы людей и их объединения; противоречивые последствия отказа от целостного восприятия жизни социума и взаимодействия его основных составных частей. Выделены типичные просчеты односторонних управленческих ориентаций и моделей, характерные для современной общественной жизни России.

Свобода и ответственность личности

Слово «мета-», вынесенное в заголовок настоящей статьи, по древнегречески означало «сверх-». Поэтому «метафизика» в дословном переводе – «то, что после физики» (в смысле: «сверх-природное»). И соответственно, метатеория – это «сверхтеория», обеспечивающая координацию данной теории с близкими ей по предмету теоретическими построениями. «Сверхтеория» выявляет предпосылки анализа собственного предмета, необходимые допущения, позволяющие придать рассуждениям теоретическую стройность, доказательность и, по крайней мере, относительную завершенность констелляции научных знаний и фактов, охватываемой теорией. Управленческая метатеория имеет своей задачей сформулировать управленческое решение – «властное предписание (информацию) субъекта управления – СУ в письменной, устной или виртуальной формах, направляемое объекту управления – ОУ, которое должно быть исполнено послед-

ним... Критериями выбора решения является привлекательность для потребителя... и **прагматизм** – полезность для потребителя, которые отражают качество жизни населения и корректируется его **социализацией**. С другой стороны, поскольку УР является продуктом деятельности органа управления, процесс его производства должен отвечать критерию **эффективности**¹.

Из сказанного следует, что именно **человек является метатеоретическим допущением управленческой теории**. Другое метатеоретическое положение управления – «людьми управляют люди». Таким образом, сфера управления в социуме – «вдвойне человеческая». Нельзя забывать, что финансовые потоки, производственные отношения, равно как и производительные силы общества за своими объективными, на первый взгляд, характеристиками скрывают сложный мир взаимодействия управляющих и управляемых, развертывающийся на основе определенных правил, заданных людьми в прошлом и задаваемых ими в настоящее время. Мир «железок» в составе производительных сил

* Глаголев Владимир Сергеевич,
доктор философских наук, профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД России

сконструирован людьми определенной эпохи в определенных условиях и напечатан на себе неповторимую печать своего исторического, т.е. человеческого, времени. Качества мира «железок» несут печать требований определенной технологической дисциплины и стандартов, действовавших в момент их создания и реализованных опять-таки людьми со своими присущими им особенностями и слабостями. Неслучайно поэтому при подготовке японских менеджеров, подпись которых на документе часто «стоит» сотни миллионов у.е., вот уже более сорока лет практикуется стажировка будущего управленца на всех уровнях бюрократической лестницы, от курьера и составителя черновых расчетов до вице-президента фирмы, определяющего принятие ответственных финансовых решений. Организаторы этого процесса обучения знают, что любые правила время от времени дают «сбой». В России в этом случае на авансцену выступает бессмертное черномырдинское «...получилось как всегда». Любые проекты, как отмечает известный российский социальный философ В.Г. Федотова, «обладают лишь определенной степенью конкретности»².

Несомненно то скрытое, то явное присутствие антропологического начала в любых управленческих решениях. Чем дальше управленец отходит от них и воображает, что он манипулирует объектами, тем выше риск ошибок и просчетов самых хитроумных и, казалось бы, эффективных управленческих моделей и технологий. Точно по Чехову: «Фирса забыли». Многотерпеливый Фирс может дремать в уголке и до поры до времени не обнаруживать явных признаков своего существования. Но лишь до поры до времени. Когда фирсов набирается десятки, а то и сотни миллионов, бюрократическая гладь инструкций, регламентов и распоряжений, других обезличенных и обездушенных способов управленческого манипулирования рискует привести к социальным взрывам. Им предшествует обычно нарастание аномийных состояний в обществе до того предела, когда всякие накатанные и казалось бы согласованные манипулятивные мероприятия оказываются по меньшей мере бессмысленными. Не случайно исследователи отмечают, что «рынок как принцип социальной экспансии в природной

среде оказался непригодным для регулирования сугубо социальных отношений»³.

Простой пример - нарушение векового постулата «скупой платит дважды». В нынешней российской миграционной политике приглашение дешевой рабочей силы из-за рубежа сулит на первый взгляд серьезные экономические дивиденды. Но не является ли следствием этой политики дороговизна строительства в России одного километра качественных автодорог, превышающая показатели сходных условий дорожного строительства на Аляске, в Северной Канаде и, наверное, даже в Гренландии (если бы там такое строительство велось сколько-нибудь масштабно). Дешевизна приглашенной рабочей силы в российских мегаполисах сочетается с размещением ее в подвалах жилых домов и в других местах, мало приспособленных для полноценной жизни. Прямым следствием такого рода «экономии» является рост многоплановых правонарушений и ответная необходимость для российского государства расширять правоохранные операции (за которыми также стоят живые люди).

Среди фундаментальных антропологических характеристик человека еще Аристотель отмечал наличие, наряду с разумной душой, души растительной и животной. И все это в одном стакане, в тесной переплетенности гетерогенных импульсов, ориентиров и способов поведения. Идеи Аристотеля своеобразно подтверждают современные специалисты по физиологии мозга вместе с зоопсихологами. Они, вслед за С. Грофом, различают в состояниях человеческого сознания, по крайней мере, три уровня. Во-первых, – рептильный, уходящий в глубины эволюции нервной системы и поведения протомлекопитающих. Здесь можно усмотреть корни генетической безжалостности у ряда наших современников по отношению к людям и живым существам вообще, отсутствие у особей этого типа устойчивых импульсов к эмпатийным переживаниям и реакциям. Во-вторых, имеет место «игровое» состояние психики и поведение высокоорганизованных животных и человека, в известных пределах подавляющее, маскирующее и «снимающее» (по-гегелевски) проявления первого, рептильного уровня. Второй уровень

также имеет соответствующие анатомо-физиологические механизмы. Игровому уровню свойственна беспечность, небрежность в отношении последствий поведенческой деятельности после того, как удовлетворены непосредственные потребности и побуждения физиолого-психологического порядка. Неявная, но упорно воспроизводящаяся установка: «После нас хоть потоп» сочетается с непрошибаемой оптимистической беззаботностью: «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный...». Крокодилья безжалостность предыдущего состояния реализуется здесь походя, в сумме итогов увлекательной гедонистической деятельности за счет окружающей среды, человеческой и природной⁴.

Третий уровень - творческое состояние сознания. Это - проявление целенаправленного деятельностного и инновационно-содержательного начала. Оно опирается также на особый набор физиолого-психологических структур. Понятно, что творческая деятельность предполагает набор определенных предпосылок, общекультурных и профессиональных требований, блокирующих проявления рептильного и беззаботно-игрового состояний сознания. Здесь немало работы духовным силам человека. «Душа обязана трудиться», - сказал русский поэт Н. Заболоцкий. И в немалой степени - над преодолением нечеловеческих и «недочеловеческих» порывов.

Из сказанного следует, что можно управлять, ориентируясь на первый уровень психофизиологических предпосылок сознания, активируя тем самым импульсы и устремления примитивного физиологического эгоизма. Во втором случае наряду с голым физиологизмом способов удовлетворения простейших потребностей происходит увлеченное соучастие в разнообразных формах массовой символической деятельности, составляющей значительную нишу экономики и приложения манипулятивных технологий. По существу здесь присваивают эфемерность, «суету», внешние знаки статусности и признания. Понятно, что удовлетворение превых потребностей в физиологически необходимом объеме является обязательным для воспроизводства биологического тела человека, а удовлетворение второй потребности в дозированных масштабах - одно из условий включения в процесс социа-

лизации и обеспечения переходов от одного этапа социализации к другому. Однако ни первый, ни второй уровни не являются творчески содержательными. Хотя им нельзя отказать в исключительной изобретательности. При безудержной реализации этих уровней идет «на распыл» самое ценное, что есть в человеке - разумная часть его души. Можно, конечно, сочетать ориентацию на первый уровень с ориентацией на второй и получать «группы поддержки» носителей первой установки. Самое главное, - что все три установки являются реализацией (пользуясь термином А. Маслоу) базовых потребностей личности. Хронически голодный человек не склонен ни к играм, ни к творчеству. Испытывающий чувство жажды думает в первую очередь о глотке воды, а не о развлечениях, а тем более не о систематических инновационных усилиях. И обратно: погруженный в растительные потребности остается свиньей, не поднимающей взора от корыта; хронический «игрун» не в состоянии создать что-либо творчески состоятельное (если его «игры» не связаны так или иначе с выходом на фундаментальные проблемы культуры и деятельность в их сфере). Социал-дарвинистские модели свободной конкуренции и естественного отбора в состоянии стимулировать активность лишь по первым двум трекам. Для третьего, помимо волевых устремлений личности с многоуровневой и чрезвычайно сложной мотивацией, требуется соучастие государства с его механизмами перераспределительных процессов в пользу стабильного и все более расширяющегося сектора поддержки творческой деятельности членов общества с применением социальных лифтов прямого поощрения за интерес и состоятельность, проявляемые в системе творческой деятельности⁵. Отсюда - комплекс задач управления социумом и творческими процессами в социуме. Разумное удовлетворение разумных естественных потребностей, включая и потребности в игре, является составной частью усилий общества и государства по социализации новых поколений личности и, одновременно, по приобщению проявляющих способности к инновациям к творческой деятельности.

В свою очередь, многие изобретения и находки творчества видоизменяют источники и способы удовлетворения по-

требностей животной и растительной частей души человеческой. Здесь главное – не погрузиться целиком в растительное сосуществование и не «заиграться» до перехода в стадию игромании – современной разновидности алкоголизма без алкоголя, виртуализма при бессодержательности виртуальных знаков. Стихия игровой увлеченности в отрыве от социокультурного места и значения игры как определенной стадии релаксации в сочетании с социализацией – путь к социально-психологическим тупикам, создаваемым безудержным погружением части молодежи в ситуации и информацию Интернета. Управление временем и пропорциями его распределения по принципу народной мудрости «делу время, потехе – час», требует от государства и общества (начиная с родителей, детского сада и школы) последовательных усилий по управлению свободным временем личности. Разумные запреты и ограничения в этой области, принятые в цивилизованном мире, предполагают, понятно, усилия самоорганизации самих личностей, дающих себе труд систематических усилий отделения зерен от плевел в разнообразнейших потоках виртуальных образов современных СМИ.

Воля к использованию кнопки отключения и формирование этой воли у человека с младых ногтей – самый простой способ организации дополнительных ресурсов собственного времени с последующим наполнением его навыками и способами мыслить, чувствовать и действовать в русле обретения перспективы творческой состоятельности. Духовный труд, т.е. труд, в котором заимствуемые образцы подвергаются личностному испытанию на прочность, перспективность, содержательность и насыщенность культурой были и остаются предпосылками творческих ракурсов освоения и трансформации потоков информации современных СМИ на уровне воспринимающих их молодых людей.

Поистине «вечной» проблемой личности в обществе была и остается проблема соотношения свободы и ответственности. «В российском мышлении, воспитанном в значительной мере на патерналистских идеалах, – пишет академик А.В. Торкунов, – важную роль играет идея взаимной и морально соразмерной ответственности граждан и государства. При этом индивидуальная

инициатива воспринимается с подозрением, особенно если она оборачивается неправдоподобно быстрым и сомнительным в правовом смысле обогащением»⁶.

Проявления свободы и обусловленных ею инициативы далеко не всегда предсказуемы. История знает многочисленные примеры людей, оставшихся свободными в нечеловеческих условиях. В. Франкл в своем анализе воли человека к самоутверждению в трагически безысходных обстоятельствах убедительно показал это⁷. Можно быть свободным по месту и времени проявления тех или иных способностей. При этом, однако, каждый раз присутствует не только набор определенных условий «свободы от ...», но и «свободы для...». В разных сочетаниях действуют мощные, властные побудительные стимулы творческой личности, диктующие ей пути и способы деятельности в конкретных обстоятельствах.

Духовную жизнь личности определяют установки, ставшие для неё неодолимыми доминантами, обязательными к реализации по принципу: «Не могу иначе...». Разумеется, любое творчество опирается на владение ранее усвоенными навыками и способами поведения «образцами», «моделями», «идеалами» уже готовых положений, освоенных в ходе приобретения профессиональных навыков. Образцы, однако, выполняют и функции ограничителя творчества. Следование им предполагает сосредоточение внимания на максимально точном «копировании».

Но точность воспроизводства образца – лишь одна сторона ученичества. Ученики вращаются не только в кругу «копиистов», но и творцов создателей образцов, которые служат основой «копий». Часть вчерашних учеников дерзает вносить изменения в ходе воспроизводства этих образцов (иногда следуя собственным замыслам, склонностям и вкусам, иногда – по требованию заказчиков, часто – по соображениям, задаваемым теми или иными конъюнктурными контекстами). В возникающих «люфтах» присутствует, таким образом, возможность изменений – один из истоков развития творческого потенциала вчерашнего «ремесленника». Эти «люфты» – необходимые предпосылка превращения его в творца оригинальных ценностей.

Категория «свобода» чрезвычайно широка и в предельном своем значении

выражает право на «передел» всех возможных вариантов деятельности относительно к целям и средствам её. Подводные камни и опасности такой свободы очевидны. Она остается, однако, целью крайне привлекательной, манящей для тех, у кого есть желание новизны, эксперимента, пробы собственных сил и качеств внешней среды – как природной, так и общественной. Поэтому удивительно выразительным было название советского фильма о латиноамериканских революциях «Это сладкое слово – Свобода».

Свобода, вместе с тем, предполагает для своей реализации усилия, средства, внешние условия. Поэтому ошибается тот, кто утверждает: «Если хочешь быть свободным – будь им». Для того, чтобы быть свободным, требуется, по крайней мере, понимать, что такое свобода и работа над собой; среда, сочувствующая этим усилиям; огромная предварительная подготовка, сосредоточенность и напряжение. Немаловажна и своевременная достаточная поддержка со стороны сочувствующих.

Абстрактно говоря, свобода допускает возможность безбрежного, космического социального пространства и любых «подвижек» в нем, флуктуаций и эволюций в этой гипотетической среде. «Хочу – вправо-влево, вверх-вниз, с любой скоростью в любую точку». Но сразу возникает риск столкновения с результатами волевых усилий других свободных представителей социального Космоса, – т.е. гипотетическое ограничение. Препятствованием могут стать не только другие люди, но и разнообразные объективные обстоятельства, нехватка субъективных ресурсов и т.д. Мало-мальски реалистическое воображение быстро нарисует джунгли мысленно полагаемой возможности беспрепятственного движения «по всем азимутам». В результате уже по этим соображениям приходится отказаться от идеи абсолютной свободы во внешнем мире – мире природы и мире людей.

Остается, правда, сфера: сознания. На первый взгляд, возможности свободы кажутся здесь беспредельными. Но на них наложили ограничения среда, воспитавшая личность, жаждущую тех или иных конкретных проявлений свободы, соотношение у самой личности определенного баланса эмоциональной, раци-

ональной и волевой мотивации, добротность логической оценки вероятности тех или иных допущений и т.д. Культура воображения накладывает свой отпечаток на предмет и типы моделирования того, кто полагает себя абсолютно свободным. Мечтать, как известно, «не вредно». Но добротность, степень реализуемости, состоятельности мечтаний заметно ограничивает как характер, так и направленность усилий сознания в данной плоскости. У Э. Хемингуэя есть книга «Праздник, который всегда с тобой». Она – о Париже. Но не только о городе, но и о мире творческой самореализации личности, в котором живет человек, общаясь с другими творчески состоятельными людьми, достижениями и событиями культуры. Но даже этот праздник, развертывающийся на уровне сознания неординарной личности, оказывается ограниченным, и при том достаточно жестко, множеством привходящих обстоятельств.

В данном контексте свобода человека – это владение смыслами и достижениями культуры, смыслами сущностных сил мира, жизни общества и личности, выявленных и частично освоенных предыдущим и настоящим поколениями. Владение, если имелся доступ к каждому из них и к «ключам» их интеграции, оптимальным сочетаниям, повышающим КПД их применения в неповторимых личных замыслах и планах творческой деятельности⁸. Как сами замыслы и планы, так и результаты их реализации подвергаются селекции. Она осуществляется во всех сферах деятельности. Но в художественной практике допускается релятивность вкусов, оценок, видения мира. В морали же, а тем более в политике и в праве, их поляризация отличается систематичностью и последовательностью. В первую очередь потому, что новый творческий план, а уж тем более его осуществление затрагивает как *status quo*, так и его ближайшие и, по крайней мере, среднесрочные, предпосылки деятельности многих других факторов морали и политики. И конкурентные «соседи» творческой личности отчаянно сопротивляются, как правило, праву на существование её шансов, творить, а тем более воплощению в жизнь её творческих замыслов по-своему.

Свобода есть владение творческой личностью своими способностями и

возможностями оптимальным образом действовать «как бы» с чистого листа, «как бы» без ограничений. Но условие – «как бы» есть абстракция. Творчество реально существует как продуктивная и перспективная реализация возможности свободы. Оно реализуется в условиях реальных ограничений широкого спектра: от освоения творящей личностью элементарных предпосылок культуры до владения конкретным материалом конкретного творческого процесса.

Справедливость как вектор свободного выбора. Соотнесение свободы - как условия длительной плановой последовательной работы над реализацией долгосрочных социальных проектов редко приходит в голову пылким волонтерам свободы. Для такого соотнесения скорее подходят люди, для которых психологические преимущества апелляции к свободе масс и партий являются лишь предварительными, но необходимыми правилами игры, после реализации которых и начинается настоящее дело. В этом отношении понятие «справедливости» оказывается для массового сознания более объемным, чем понятие «свободы». Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов «Шариковых» всех времен и народов, для которых справедливость достигается нехитрым путем – «взять, да и поделить все поровну». Но выразительный образ, созданный М.А. Булгаковым, отразил лишь самые поверхностные слои эгалитаристского отношения к справедливости как инструменту решения общественных проблем. Этот инструмент, подобно лозунгу свободы, имеет яркую нравственную и эстетическую привлекательность. «Бороться за справедливость» в массовом сознании всегда имело оттенок восхождения на нравственный пьедестал, обретения содержательности и целостности личности, а иногда и смысл жизни. То есть качества, имеющие прямое отношение к секретам выразительного эстетического образа.

Нравственные параметры справедливости лишены жестко фиксированных групповых критериев. Лозунг справедливости для олигархов (13% подоходный налог) не вызывает у здравомыслящего человека ничего, кроме недоумения. Вместе с тем очевидно, что «ответы на многие вызовы современности (такие, как растущая миграция, распространение ксенофобии и экстремизма, терроризм

и наркотрафик, разрушение окружающей среды, высокий уровень бедности) не могут быть даны без активного привлечения институтов гражданского общества, экспертов, граждан»⁹. Справедливость, даже когда ее «добывают» для отдельной группы, всегда окружена ореолом более широких и глубоких целей, чем те, которые ставят перед собой или реализуют борцы за нее. Она апеллирует глубинным общественным чувством. Как минимум, к сочувствию судьбе олигархов («богатые тоже плачут»); к недопонятости утонченных переживаний секс-меньшинств и так далее. При обращении к массовым группам населения, к этносам, классам, нациям, равно как и к большим стратам, барабан справедливости приобретает политические обертоны. И по очень простой причине. Привлеченные звуками этого барабана придают общественной значимость глашатаям лозунгов справедливости и тем самым обеспечивают определенную продолжительность пребывания их на политической арене.

Здесь кроется одна из причин, почему в документах политиков и возглавляемых ими партий тема справедливости получает устойчивое место, расширяемое с настойчивой последовательностью от одного публичного акта к другому. Публичная демонстрация готовности проводить политику под лозунгом несправедливости - акт политической шизофрении, однозначно ведущий к политическому самоубийству. Это однозначно, и эту истину усвоили действующие политики сотен государств, существующих в настоящее время на международной арене. И даже когда рискуют проводить политику геноцида, говорится о справедливости утверждения одной расы, нации, этноса, клана - над другими.

В условиях России лозунг справедливости часто служит знаком услышанности, резонирования насущных потребностей «низов» общества в верхних этажах политической иерархии. Срабатывающий при этом многовековой рефлекс «вот приедет барин...», является одним из механизмов ослабления давления социальных паров, тем более, когда начальствующее лицо самолично «разруливает» тот или иной социальный конфликт, достигший точки кипения.

Вместе с тем требование справедливости обретает притягательную силу для той критической массы общества, активное участие которой в политической жизни в состоянии трансформировать фундаментальные устои общественной системы, направлявшейся в тупик, и открыть определенные «люфты» в ее организации на началах, обеспечивающих большую степень справедливой жизни общества. Уместно, однако, и согласиться с точкой зрения, что «демократия затрудняет концентрацию ресурсов, замедляет принятие решений, а **дефицит демократии** лишает модернизаторов обратной связи с обществом»¹⁰.

Не будем обольщаться. Идеальной справедливости не бывает, ее не будет ни у какого сочетания общественно-политических сил. Даже в тех случаях, когда они обретут ангельскую природу и будут руководствоваться исключительно благородными и бескорыстными мотивами всесторонней гармонизации общественного целого. Речь идет всего лишь о большей степени справедливости. При этом релятивизация программ консолидации на началах справедливости неуклонно, как всякая релятивизация, влечет за собой ослабление стержней конструкции, риски фрагментаризации, усиление значимости и весомости секторальных и частных интересов. В результате существует опасность возрастания центробежных тенденций общественной жизни.

Мораль в управлении и политика в морали. С библейских времен (если не ранее) соотношение политики и морали было постоянной заботой размышляющих управляющих и склонных к рефлексии управляемых. Безбрежность материала требует жесткого отбора ограниченного числа тенденций. Поэтому выделим лишь идеи нравственной мотивации политики на разных стадиях государственной жизни России.

Известно, что в допетровской Руси существовал сложный языческо-христианский комплекс духовной жизни, в котором была весьма относительная сепарация государственности, политики, права и морали. Как менялось их соотношение на протяжении XI-XVII вв.? С ходом усиления раздробленности Киевской Руси шла «миниатюризация» государственных образований – княжеств. Соображения местнического пла-

на вступили в конфронтацию с учением христианства о духовном единстве христиан, игравшего ключевую роль в обосновании необходимости защиты Земли Русской и жизненных интересов людей, на ней живущих. Чем слабее было государство, тем чаще звучали нравственные соображения исполнения этого долга. Не случайно в национальном сознании жития русских святых Бориса и Глеба выступали на первый план.

В связи с татаро-монгольским нашествием нравственная проблематика радикально изменилась и стала разветвляться по двум направлениям. С одной стороны, патриотическое умонастроение: «Сказание о Евпатии Коловрате», почитание князя Михаила Черниговского, убитого в Золотой Орде и др. Образы этих людей, отстаивавших Родину и веру ценой собственной жизни, стали символом патриотизма для десятков поколений русских людей. С другой стороны, оправдание политического прагматизма князей, добивавшихся ханского ярлыка на княжение и, как следствие, преимуществ в среде власть имущих. Этот прагматизм был беспринципен, не останавливался перед предательством. В образно-художественной форме его практика удачно, на мой взгляд, отразилась в фильме А. Тарковского «Андрей Рублев». Задним числом политический аморализм стал оправдываться дальновидными соображениями владими́ро-суздальских, а затем и московских князей и получил апологетику в концентрированной в форме «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, в популяризаторской литературе, опиравшейся на этот фундаментальный научный труд (А.О. Ишимова, Д.И. Иловайский и др.). Более того, в литературе последнего времени смягчаются нравственные оценки политического коллаборационизма и его проявлений в период 1242-1480 гг. При этом, как правило, особо в отечественной исторической литературе самого широкого спектра, включая и православные издания последних двадцати лет, подчеркивается нравственное содержание древнерусского резистанса.

Утверждение Московского царства после 1547 г. потребовало моральной поддержки абсолютных прав самодержца, ответственного лишь перед Богом. Хотя с нравственно-психологической

точки зрения обличения Ивана Грозного князем-предателем Андреем Курбским представляются весомыми, Иван Грозный в своих ответах Курбскому пытается придать, в свою очередь, своим действиям моральный ореол, прекрасно сознавая при этом, что за ними стоит сила ничем не сдерживаемого насилия.

Чем крупнее становится российское государство, тем чаще наблюдается в нем политизация морали и замалчивание практики его аморальных действий в управлении государством. Люди, поднимающие публично вопросы о проявлениях государственного аморализма, дискредитируются и подвергаются репрессиям в тех или иных формах. Последствия публикации А.И. Солженицыным «Архипелага ГУЛАГ» - один из ярких примеров данной тенденции. Оправданием практики аморализма становится указание на конечные «результаты». Не принимаются во внимание миллионы погибших и искалеченные души сотен миллионов выживших. Накопление актов этой практики в нашей истории неуклонно готовило морально-политические кризисы России XX столетия.

Оппозиционные движения мотивируют свою позицию - особенно на начальных стадиях своего развития - нравственными мотивами. Во властных же структурах с нравственных позиций обычно критически оценивают государственную политику люди, не имеющие достаточной власти. Примеры обратного в нашей истории очень редки (одним из них могут служить выступления на заседаниях Государственной думы П.А. Столыпина). В зарубежной исто-

рии можно сослаться, наверное, на Махатму Ганди. Как следствие, российская нравственно-политическая литература (как и любая литература этого типа) содержит элементы идеализации личностей, событий, процессов, замалчивание их теневых сторон. В советское время этим качеством - за исключением книги Ю.Трифонова «Нетерпение» - отличалась известная серия «Пламенные революционеры». На официальном «слуху» в политике - литература утвердившихся победителей. В то же время, «ликвидация практически всех ниш независимой общественной активности привела к еще большему усилению апатии и разочарованию в публичной деятельности», - отмечает известный российский политолог А. Лукин¹¹.

Таким образом, выбор целей управления, алгоритмов (моделей) этой сферы деятельности, мотивации ее как в среде корпуса управляющих, так и для массы управляемых, представляет собой систему динамичных отношений. Они развертываются в социальном пространстве, где свобода и ответственность, мораль и политика, справедливость и произвол переплетены в неоднозначных и разнообразных взаимодействиях. Оптимальные параметры каждого из перечисленных факторов управления, - равно как и модели их соотношений, - определяются максимально точной фиксацией положения дел в отрасли управления (своевременная и достоверная информация) и творческим усилием предвидения тех последовательных состояний, в которых управляемая система может оказаться на ближайших и более отдаленных этапах своего существования..

META-THEORY IN MANAGEMENT: A PRAGMATIC PHILOSOPHICAL IMPLICATIONS OF REFLECTION

The article covers the basic category of management process as a system of activities emanating from the stable of the fundamental prerequisites for social life. Highlights multilevel resources and the ability of management actions on large groups of people and their associations; contradictory consequences of refusing a holistic vision of life of society and interaction of its basic constituents. Identified typical errors of

unilateral managerial orientations and patterns characteristic of modern social life of Russia.

V.Glagolev,
Doctor of Sciences (Philosophy), PhD,
Professor, Department of Philosophy, MGIMO
(University) under the Ministry for Foreign
Affairs of Russia

Ключевые слова:

метатеория, управление, человек как объект управления, человек как субъект управления, базовые потребности личности, духовный труд, свобода, ответственность, справедливость, мораль, политика, факторы государственного управления.

Keywords:

meta-theory, management, people management as an object, a person as the subject of management, the basic needs of the individual, spiritual labor, freedom, responsibility, fairness, morality, politics, factors of state governance.

Литература:

¹ Куриц С.Я., Воробьев В.П. Болезни государства. Диагностика патологий системы государственного управления и права. М., МГИМО, 2009. С. 29, 31.

² Образы России: стереотипы, парадоксы и реальность. Материалы «круглого стола». М., 24 марта 2010 г. Библиотека института Справедливый мир, М., 2010. С. 14.

³ Виноградов А. Политический кризис вслед за финансовым? // Международные процессы. Т. 8. № 2 (23). Май-август 2010. С. 131.

⁴ См. подробнее: Соловей В.Д. Контуры нового мира // Свободная мысль. 2007. № 2. С. 12-13.

⁵ Взаимоотношение концепций фундаменталистов-либералов и либералов-эгалитаристов и сторонников социального государства активно обсуждается в современной литературе. См., например: Хромцов А.Ф. Социальное государство и кризис социал-демократии // Социал-демократия в современном мире. Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». Москва, 19 апреля 2010 года. Библиотека института Справедливый мир. Выпуск 18. М., 2010. С. 70.

⁶ Торкунов А.В. По дороге в будущее. М., 2010. С. 48.

⁷ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

⁸ Обширный материал, посвященный соотношению свободы, правды, истины и справедливости содержит публикация: «Правда». Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. Библиотека института Справедливый мир. Выпуск 21. М., 2010.

⁹ Миронов С.Н. Приветственное слово. Форум социалистических и социал-демократических партий стран СНГ «Наша общая цель – справедливость и солидарность». Материалы первого заседания. Москва, 8 февраля 2010 года. Библиотека института Справедливый мир. Выпуск 19. М., 2010. С. 15.

¹⁰ Макаренко Б. Возможна ли в России модернизация? // Pro et Contra. №5-6 (43), Сентябрь- декабрь 2008. С. 39.

¹¹ Лукин А. Политический идеал и политический режим в постсоветской России // Pro et Contra. № 4 (42), июль-август 2008. С. 101.